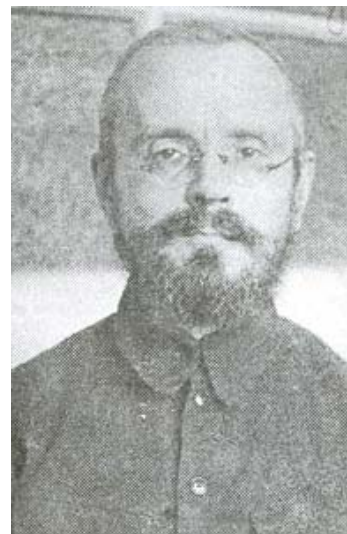

«Террорист» Иван Котюков

Наука в Сибири, №30, 9 августа 1990 г.

РАССТРЕЛЯН И РЕАБИЛИТИРОВАН.

Талантливый ученый и педагог (выпускник Московского университета, автор лучшего в 30-е годы курса «Физическая химия», заведующий кафедрой Томского индустриального института, блестящий лектор, профессор Томского университета, директор самодеятельного ансамбля, студенческий учитель танцев, сын мелкого торговца, невоеннообязанный (ни в царской, ни в белой армии не служил; в Красной - химик при складе взрывчатых веществ в 30-м), ранее не судимый (арестам не подвергавшийся и не привлекавшийся), беспартийный Иван Иванович Котюков был объявлен органами НКВД «врагом народа» (террористом, русским национал-

фашистом, троцкистом, одним из руководителей контрреволюционной организации) и 28 апреля 37-го года, сразу же по вынесении ему смертного приговора (в закрытом заседании выездной сессии военной коллегии Верховного суда СССР) расстрелян в городе Новосибирске.

Спустя два десятка лет после расстрела та же военная коллегия нашла дело И. И. Котюкова сфальсифицированным и отменила приговор за отсутствием состава преступления. Показания против профессора опровергнуты материалами проверки. Иван Иванович Котюков юридически был полностью реабилитирован. Поставим точку в этом деле?

ЗАБЫТЬ. КАК КОШМАРНЫЙ СОН?

Понятно человеческое желание отрешиться от кошмаров тоталитарного режима и вспомнить только о позитивном, благо его всегда можно найти, если поискать хорошенько. Не мог же человек всю свою жизнь без остатка посвящать новому богу Сталину. История многоцветна, и инструменты познания разные, как бы их ни втискивали в жесткие рамки.

Субъективизм в подходах заставляет обратить внимание на не безобидность (независимо от желания) предложений забыть, закрыть, «не ворошить» историю, «не перепахивать могилы отцов».

Проглядывает одна из главных целей закрытости истории — не выяснять, почему многие наши соотечественники сведены в могилу государственной властью, должной их защищать. Заодно забудется о вкладе репрессированных, и он будет приписан другим или одному какому-то кормчему. Что же в итоге выйдет за история (имею в виду прошлое, настоящее и будущее)? И как, спрашивается, у такой истории учиться и освобождаться от исторической инерции, догм и стереотипов?

Забыть о массовых репрессиях - это еще и закрыть глаза на то, что многие пострадавшие от произвола доживают свой век париями, едва сводя концы с концами. Что же тогда все талдычить о новом мышлении, гуманном и демократическом социализме или даже о том, что красота спасет мир. Ничего и никого она в таком случае спасти не способна.

В ДОМЕ УЧЕНЫХ БОЛЕЕ ПОЛУВЕКА СПУСТЯ.

Томский городской Дом ученых «месте с исторической секцией общества «Мемориал» решил проводить вечера памяти репрессированных. Первый такой вечер был проведен прежде всего силами политехнического института и посвящен профессору Котюкову.

На выставке экспонировались два издания знаменитого котюковского курса физической химии. 1-е издание состоялось в 30-м и было осуществлено студенческой научно-медицинской секцией Томского университета. 2-е (двухтомное) издание произведено в Томске 33-го года книжным кооперативом (существовал еще такой!) «Сибирская научная мысль».

Наиболее впечатляющими стали на вечере выступления доцентов А. С. Наумовой и К. К. Страмковской, учившихся у Котюкова и никогда не веривших в то, что он — враг и фашист.

Профессор Стромберг, постигавший, физхимию по учебнику томского профессора, рассказал, что лучшего, чем у Ивана Ивановича, изложения диаграмм состояния он нигде не встречал.

Вспомнил профессор и о том, что в 73-м году на его предложение опубликовать в многотиражке статью о Котюкове был дан ответ: на репрессированных, хотя бы и реабилитированных, не рекомендуется концентрировать внимание. Вот вам и «полностью реабилитирован»!

Ксения Ксаверьевна Страмковская вспомнила, что на праздновании 17-летия Октября всеми уважаемый и почитаемый профессор Котюков сидел в президиуме торжественного собрания и был отмечен в ректорском приказе. Тем же приказом лучшие студенты награждались дорогим подарком — котюковским учебником физхимии.

Наваждением назвал доцент А. В. Гагарин укоренившееся в парторганизации института середины 30-х стремление разоблачить «врагов народа» во что бы то ни стало. Установилась такая атмосфера, в которой мог пострадать любой, кто не доносил. 1-й секретарь Томского горкома Куравский нагнетал ситуацию, прямо заявляя, что в индустриальном институте работает «нераскрытое гнездо врагов народа». В результате участились доносы. Поступали они и на профессора Котюкова.

Дело Котюкова нужно рассматривать в общем процессе, подчеркнул Гагарин. По его мнению, органы НКВД создали тогда схему контрреволюционной организации, идейным штабом которой были сделаны коммунисты, а одним из руководителей — директор института А. М. Кашкин. В число многочисленных помощников был определен и профессор Котюков. РАЗВЕТВЛЕННАЯ СЕТЬ. Во время подготовки котюковского вечера «Мемориал» и Дом ученых обратились в областное УКГБ с просьбой представить какие-либо архивные документы о репрессированном Котюкове. Мне представилась возможность поработать несколько часов с его архивно-следственным делом.

Дело Котюкова — это целый том, и при дефиците времени нужно было выбрать: читать ли все подряд и мало чего успеть или просматривать выборочно и делать необходимые записи.

КОЕ-ЧТО ИЗ ЗАПИСАННОГО.

До 56-го дело Котюкова под номером 956670 (том третий) хранилось в особом архиве МВД в Москве и входило составной частью в 18-томное дело на нескольких обвиняемых. Между тем на каждого из них дело с самого начала оформлялось самостоятельно. Сведение в одно многотомное означает, что следствие по всем делам велось одним органом и, добавим, по делу одной организации.

Знакомство с Делом, наличие в нем многочисленных протоколов (в том числе в виде машинописных, отпечатанных под копирку копий) допросов других арестованных в качестве одного из главных свидетельств обвинения убеждает в том, что общее 18-томное

дело скорее всего было инспирировано сверху, когда вождь решил доказать обострение классовый борьбы и разветвленность фашистско-троцкистского заговора в стране.

Заданность и сфабрикованность дела Котюкова видна, с первых страниц.

В справку на арест заносится фраза - улика: с 12 лет воспитывался а немецкой семье Вихтер. Здесь же говорится о связях Котюкова с ленинградскими контрреволюционерами.

В протоколах допросов фигурируют днепропетровские профессора — «фашисты» и «троцкисты». В деле упоминается Карл Радек, отбывавший в конце 20-х томскую ссылку, сибирский троцкистский центр, и Николай Муралов. С новосибирскими заговорщиками Котюков был связан через доцента Сибстрина (Сибирского строительного института) Александра Бурцева, а тот через знакомого немца выходил на германского консула в Новосибирске. Вся эта «фашистская» сеть доказывается, кроме признательных показаний, небольшим набором имевших место фактов. Котюков бывал в научных командировках, а в 35-36 годах жил в Новосибирске на квартире у Бурцева, когда приглашался для чтения лекций в Сибстрине. (Высокой квалификации был профессор!). В Томск приезжал в производственную командировку ленинградский профессор-«террорист» Гирин.

В деле Котюкова сколько угодно обвинений - штампов того жуткого времени. Несколько раз упоминается имя Кирова. В самой первой справке на арест в доказательство подрывной работы профессора среди работников томских вузов приводятся слова, сказанные Иваном Ивановичем по поводу гибели Кирова: «...Убийство, несомненно, политическое и является началом той картины, которая неизбежно будет развертываться. Это наступает время расплаты, и выстрел является началом конца...». Если корявость языка списать на неточность передачи, вполне можно допустить, что так и вправду было сказано.

ЗА УБЕЖДЕНИЯ. ЗА ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ЗА ПРОФЕССИЮ.

Видный профессор Томского индустриального института, допрошенный в качестве свидетеля и эксперта, нашел мужество не подтвердить, что слышал от Кононова контрреволюционные высказывания. И в то же время, возможно для самосохранения, рассказал о котюковской «реакционности» (термин, хорошо знакомый томским ученым с начала 20-х г.). которая проявлялась в пренебрежительном отношении к общественным организациям и студенчеству, а также в отрицательном отношении к советской печати («все советские газеты врут»).

Непростым было то время, и к тому, что дело Котюкова сфабриковано, можно добавить и другие выводы. Например, что его репрессировали за убеждения. Он, похоже, не очень-то их и скрывал. Что берут «за язык», узнали в те годы многие. И научились помалкивать. Кто не молчал, «вызывался на ковер». Можно бы и не вспоминать сейчас об этом, да вот беда, страдали за инакомыслие и в недавние годы. И нынче политехнический институт, тот самый, что в 30-е именовался в духе времени индустриальным, не восстанавливает уволенного за убеждения эрудированного философа Виктора Арцимовича, владеющего восемью языками и работающего газосварщиком в наших славных «Сибирских Афинах».

Мог Котюков пострадать и за происхождение. Недаром же его запись в анкете: «сын торговца — владельца небольшой пекарни» затем трансформировалась в энкавэдэшных документах в другую, по тем временам почти криминальную: «сын крупного торговца». В 30-х в стране велась необъявленная гражданская война. Классовый признак играл на практике страшную роль. Истреблялись и уцелевшие представители старой (а заодно и новой) интеллигенции. Между тем, основную массу репрессированных составили простые крестьяне. Специально обращаю на это внимание читателей. Находятся и поныне любители отделять ученых и студентов от народа, обвиняя их в различных грехах и перекладывая на них свою ответственность за провалы в экономике и даже за неубранный урожай на томских полях.

Суд над Кононовым представлял из себя откровенный фарс. Его судьба была решена много раньше, 3 сентября 36-го. В тот осенний день в Новосибирске в краевом УНКВД составляется и санкционируется справка на арест томского профессора практически с теми же обвинениями, что войдут и в смертный приговор. В тот же самый день аналогичная справка составляется старшим лейтенантом госбезопасности Журавлевым в Томске и санкционируется начальником Томского горотдела НКВД капитаном Подольским. И все в тот же день Котюков арестовывается после того, как в его квартире в химкорпусе института старший лейтенант Погодаев производит обыск и опечатывает шкаф с химпрепаратами.

Погодаев знал, что искать: в 34—35-х годах Котюков заведовал спецлабораторией по линии военно-химического управления РККА, Совсем недавно доверяли, а теперь вдруг предъявили обвинение, что Котюков в контрреволюционной организации ни мало ни много, с 28-го года. Так что не будет большой натяжкой сказать, что профессор пострадал из-за своей профессии. Для видимости правдоподобия мифической разветвленной террористической сети органам очень нужен химик. Его нашли. Позже репрессировали почти всю кафедру.

Находить обоснованные доказательства следователи не шибко старались. Чего только нет в следственных протоколах. Утверждается, например, что на одной из встреч с коллегой-«заговорщиком» в Доме ученых (место выбора правдоподобно: Иван Иванович дирижировал там ансамблем) Котюков сообщил, что завербовал сотрудника СФТИ, взявшегося сконструировать «беззвучный прибор! для терактов. Прибор предназначался для «утонченного террора»: чтобы поражать на расстоянии снарядом «наподобие иглы», начиненной моментально действующим ядом кураре».

Безнравственность учиненной НКВД расправы проявилась и в том, что Иван Иванович на момент ареста был глубоко больным человеком, перенесшим операцию по поводу рака желудка.

ЛЮБИМАЯ МУЗЫКА.

В просмотренных материалах дела, я не встретил обвинений Котюкову, как музыканту. За «танцульки» и учебник танца его ругали в вузовской многотиражке уже после ареста и опираясь на слова Эйхе.

Когда мы пойдем, наконец, роль таланта, станет ясным и вклад Котюкова в музыкальную культуру Томска.

Иван Иванович любил играть на фортепиано в четыре руки вместе с Людмилой Полонской. Она, осталась в памяти студентов молодой, талантливой и красивой. А в документе военной коллегии я прочитал, что лаборантка Полонская не дала показаний против Котюкова. Не все сдавались.

Как знать, может, и спасет красота мир. Когда мы будем в состоянии ее увидеть.

В. НИЛОВ. ТОМСК.